

УДК 81' 42:504.06(811.16+811.111)

ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ: КОНЦЕПТ СЛАВЯНСКИЙ – КОНЦЕПТ ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКИЙ

Руденко Н.С.

В современном обществе экологические проблемы приобретают все большее значение, с каждым днем занимая все более важное место в жизни людей. Проблема предотвращения экологической катастрофы и сохранения естественной среды обитания человека – биосферы вошла в ряд глобальных проблем человечества, и решается она и в локальном, и в региональном, и в глобальном масштабе. Этим объясняется то, что экологическая тематика и проблематика затрагиваются в различных типах текста / дискурса (научном, учебном, публицистическом, медиа-дискурсе, политическом, рекламном), а такие ключевые экологические термины, как, например, экологическая безопасность, экологический риск, загрязнение окружающей среды, экологическая катастрофа, приобретают статус не просто терминов, а терминов-концептов, которые а) функционируют не только в рамках специальных типов текстов; б) структурно занимают сильные позиции и/или являются для данного типов текста лейтмотивными; в) с точки зрения семантики сохраняя ядерное терминологическое значение, приобретают дополнительные коннотативные (культурные) значения [6].

Цель данной работы – выявить эти дополнительные культурные значения, проследив формирование концепта «экологическая безопасность» в славянской и западноевропейской (германской) культурах на материале украинского, русского и английского языков.

Структурно «экологическая безопасность / екологічна безпека / environmental safety» представляет собой словосочетание, в котором «экологическая» – конкретизирующее определение к главному слову «безопасность», на котором в рамках данной статьи мы и остановимся. Обращаясь к различным словарям: специальным экологическим, толковым, этимологическим, мифологическим, религиоведческим, мы предпримем попытку проследить его путь через два крупных исторических периода, соответствующих двум разным картинам мира: космоцентрической языческой архаике и теоцентрической эпохе мировых религий (для рассматриваемых культур это христианство).

Обратившись к этимологии, мы видим, что украинское слово «безпека» восходит к имеющему аналоги в иных славянских языках праславянскому образованию, складывающемуся из префикса «без» и основы «*pekti» (укр. «пекти», «піч»), восходящей, в свою очередь, к корню, имевшему значения «варить, печь, поджаривать» [13; 12], для которых общими являются семы, означающие сильное нагревание, жар. Очевидно, именно благодаря этому с украинским «пекти» народная этимология связала

и слово «пекло» в значении ад, адский огонь, которое закрепилось в славянских языках с принятием христианства [14; 5]. Однако нужно заметить, что, хотя официальное введение христианства на славянских землях формально положило конец славянской мифологии, общая система оппозиций, описывающих мировидение древнего язычника-славянина, оказалась достаточно устойчивой, что дает нам основания рассматривать пекло-преисподнюю в рамках не только христианской, но и языческой картины мира.

Как же вписывается пекло-преисподняя в картину мира древнего славянина? На этот вопрос можно ответить, если вспомнить мифологические представления славян об устройстве мире, синтезированные в мифологеме «древо мировое» [5, с.205]. Она воплощает универсальную концепцию мира, обобщая бинарные оппозиции, описывающие его основные параметры. Помещаясь в сакральном центре, мировое древо занимает вертикальное положение и отражает вертикальную структуру пространства вселенной: ветви – это верхний мир (небо), ствол или средняя часть – уровень земли, а корни – подземный / нижний мир (преисподняя). Для древнего человека, осваивающего это пространство, «своим» является только доступный ему в силу физических причин земной уровень, а небо, где обитают боги, и преисподняя, населенная существами, связанными со смертью и самими покойниками, представляют собой пространство «не свое» или иномирие. Если вспомнить, что этимологически префикс «без» означает «вне, снаружи» [12, с.144; 13, с.56], то можно интерпретировать безопасность как то, что находится за пределами преисподней-пекла, внутри нижней границы, отделяющей «свое» земное пространство от «не своего» подземного в вертикальной структуре мира.

Однако в языческом мировидении безопасность реализуется и в горизонтальной плоскости. Ответ на вопрос, каким образом это происходит, дает материал русского и английского языков. В русском языке лексема, выражающая концепт «безопасность», образована от основы «опас-» («опасность», «опасный») при помощи префикса «без», означающего отсутствие чего-либо. В современном русском языке «опасный» определяется как «грозный бедой, катастрофой, способный причинить зло, несчастье, нанести вред, ущерб, урон» [2, с.784]. В древнерусском «опасно» значит «внимательно, осторожно, тщательно», «опась» – «охрана, защита»; церковнославянское «опаснь» имеет значение «осторожный, порядочный, старательный» [12, с.275]. Эти основы, в свою очередь, являются префиксальными образованиями от «пасу, пасти», которое восходит к праславянскому корню, имевшему значение «охранять, беречь» [12, с.291], то есть защищать, ограждать от посягательств, нападения, неприятного или вредного воздействия, сохранять в целостности и сохранности, в первозданном виде. Английское «safety», производное от «safe», восходит к среднеанглийскому *sauf*, заимствованного из старофранцузского, корни которого идут от латинского «*salvus*» («health», «sound condition»), готского «*holos*» («whole»), произошедших от санскритского «*sarva*», («unharméd», «whole») [15, с. 1283], что значит «неповрежденный, целый».

Таким образом, в горизонтальной плоскости «безопасность» начинается с понятия неповрежденности, целостности. Что же значит, в свою очередь, целостный, неповрежденный? Неповрежденный в суровые архаические времена – тот, кому не причинили никакого вреда, тот, кто сумел сохранить свою физическую целостность: остаться не рассеченным, не сломанным, не раздробленным, не искаленным. Переходя

на язык символики [7; 6], это, следовательно, тот, кто не подвергся никакому вредному воздействию извне, избежал нежелательного контакта и сумел сохранить собственную физическую границу неприкосновенной, то есть каким-либо образом оградил «свое» пространство и то, что находится внутри этой границы, от вторжения «чужого». В горизонтальной плоскости «свое» пространство для древнего язычника определяется естественными границами как внешними (поверхность тела человека, его жилище, селение, родовая земля и далее территория, ограниченная какими-либо препятствиями для дальнейшего перемещения), так и внутренними: родовыми и кровными связями (сам человек, его семья, род, племя) [7, с.21]. В языческом мире внешние, территориальные, и внутренние, социальные, границы совпадают, так что по горизонтали свойство неповрежденности можно приложить к каждой из этих – расходящихся подобно концентрическим кругам – границ: тело человека не искалечено, жилище его цело, стены селения не разрушены, на землю его рода никто не посягает; никто из семьи, рода, племени не ранен, не изувечен – такова «безопасность» для архаичного человека.

С переходом от язычества к эпохе мировых религий на смену космоцентрической архаической пришла новая, теоцентрическая картина мира. Мировой религией, которую восприняли русскоязычная и англоязычная культуры, стало христианство. Какое же место занимал концепт «безопасность» в христианском миропонимании?

Обратившись к религиозным словарям, мы обнаружили удивительную на первый взгляд вещь: концепт «безопасность» как таковой в них не фигурирует. Однако мы выяснили, что его можно соотнести с некоторыми важными христианскими понятиями.

В рамках теоцентрической картины мира этимологическая связь украинских слов «безпека» и «пекло» отсылает нас к христианскому учению об аде – месте вечного наказания отверженных ангелов и душ умерших грешников [1, с.23]. По вертикали, пространство которой уже не столько физическое, как в язычестве, сколько духовное [7, с.45], ад противопоставляется раю – месту вечного блаженства, обещанного праведникам в будущей жизни, «поляризуя» абсолютное зло, противопоставленное абсолютному добру.

Одно из ключевых христианских понятий, с помощью которых можно определить место «безопасность» в теоцентрической картине мира, – спасение. Отметим, что слова, выражающие его в русском и в английском языках, этимологически соотносятся с лексемами, означающими безопасность: английское *salvation* происходит от латинского «*salus*», родственного «*salvus*», «*safe*» [15, с.1309], а русское «спасение» производное от «спасти» то есть «защитить, уберечь», которое восходит к уже упоминавшейся праславянской основе «пасти» [12, с.275].

В христианской картине мира под спасением понимают предельно желательное состояние человека, характеризующееся избавлением от зла – как морального («порабощенности греху»), так и физического (смерти и страдания), полным преодолением отчуждения и несвободы [1, с.161; 8, с.2101-2103]. В язычестве, где идея спасения присутствует лишь в зачаточном виде, человек обращается к своим богам с просьбой о помощи в какой-либо конкретной ситуации. Языческое спасение остается частным, неокончательным, потому что вечный равномерный ритм добра и зла делает всякое безусловное спасение сомнительным. В христианстве спасение мыслится как

духовно-телесное, поскольку оно включает в себя воскресение и просветление тела, но оно спиритуализировано. Прежде всего спасение – это оправдание, святость, мудрость, вера, надежда и любовь и многообразные «духовные дары» [1, с.162]. Для христианства спастись значит в первую очередь спасти душу, потом спасти тело и только после этого спасти окружающий природный мир.

Это объясняется тем, что в христианстве, как и в других мировых религиях, наивысшим считается уровень божественный, затем уровень человека и только на следующей ступени стоит окружающий мир природы. В отличие от языческих богов, которые по собственной прихоти могут откликнуться или не откликнуться на призыв того или иного молящегося в частной конкретной ситуации, христианский Бог вступает в диалог с каждым верующим, как его личный спаситель, защитник и наставник. Поэтому в христианском миропонимании складывается особое отношение к природным эксцессам, одним из проявлений которых является чудо.

Если по архаичным представлениям чудом считалось событие, нарушающее привычный ход вещей, но вполне постороннее, которое можно вызвать при помощи магической техники, то, чему можно «чудиться», то есть удивляться, то с наступлением эпохи мировых религий чудо переосмыслиется: теперь оно понимается как снятие волей бога-творца установленных им же законов природы. Здесь кроется противоречие: зачем же творцу устанавливать естественные законы, если потом он их нарушит? Но это противоречие снимается тем, что чудо в мировых религиях приобретает значение знака или знамения, обращенного к человеку. Отсюда понятна образная афористичная формула С.С. Аверинцева, согласно которой чудо мыслится не как «милость, оказанная немногим, но как знак, поданный всем» [1, с.203-204], то есть урок, который человек должен извлечь и усвоить. Бог творит чудеса для достижения важных целей на пути спасения [8, с.2370], поэтому для человека так важно усвоить эти уроки.

Обобщая сказанное выше, отметим, что, если вписать концепт «безопасность» в ценностные «системы координат» как космоцентрической языческой, так и геоцентрической христианской картин мира, он займет свое место на пересечении горизонтальной и вертикальной полуосей в их «положительных» отрезках, «покрывая» ту часть пространства, которая для моделирующего мир человека будет «своей» с той лишь разницей, что в космоцентрическом язычестве это пространство описывают в первую очередь физические параметры, а в геоцентрическом христианстве – духовные. Таким образом, при построении экологической концептосферы в каждой из рассмотренных культурных картин мира термин-концепт «экологическая безопасность» сможет выступать как норма, и, соответственно, своего рода «нулевая отметка» или «точка отсчета».

Список литературы

1. Аверинцев С.С. София – Логос. Словарь. – К.: Дух и литера, 2000. – 450с.
2. Большой толковый словарь русского языка / Сост и гл. ред. С.А. Кузнецов. – СПб: Норинт, 1998. – 1536с.
3. Даль Владимир. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1-4. – М.: Русский язык, 1989.

ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ: КОНЦЕПТ СЛАВЯНСКИЙ – КОНЦЕПТ ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКИЙ

4. Иллюстрированная полная популярная библейская энциклопедия в 2-х книгах. Репринтное воспроизведение издания. – М.: Изд-во СПМСИ. Фирма «Символ». СП «Медсервис интернешнл». – Кн. 1. – 494с.
5. Мифы народов мира: В 2 т. / Гл. ред. С.А. Токарев. М.: Сов. Энциклопедия, 1987, 1988.
6. Новикова М.А. Семинар по прикладной культурологии. – Симферополь: Таврический национальный университет, 2003-2006. – <Машинопись>
7. Новикова М.А., Шама И.Ю. Символика в художественном тексте. Символика пространства (на материале «Вечеров на хуторе близ Диканьки» Н.В. Гоголя и их английских переводов). – Запорожье: сп «Верже», 1996. – 172 с.
8. Полный православный богословский энциклопедический словарь. Репринтное издание. – М.: Концерн «Возрождение», 1992. – Т. II. – 2464 ст.
9. Руденко Н.С. Экологические термины-концепты: лингвокультурный аспект // Південний архів. Філологічні науки: Збірник наукових праць. Випуск XXIV. – Херсон: Вид-во ХДУ, 2004. – С.230-234.
10. Словарь-справочник по экологии / Сытник К.М., Брайон А.В., Городецкий А.В., Брайон А.П. – К.: Наук.думка, 1994. – 667с.
11. Українсько-російській екологічний тлумачний словник. – Х.: Факт, 2005. – 336с.
12. Фасмер Макс. Этимологический словарь русского языка в 4-х томах. – М.: Прогресс, 1986. – Т. 3. – 576с.
13. Великий тлумачний словник сучасної української мови. – К.: Ірпінь; ВТФ „Перун», 2003. – 1440с.
14. Етимологічний словник української мови. В 7 томах. – Том 4. – Н-П. – 656с.
15. Webster's New World Dictionary. – London: Macmillan & Co Ltd, 1962. – 1702p.

Поступила в редакцію 10.03.2006 г.